
СОВЕТСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ О КЛАССИЧЕСКОЙ ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н.Ш. Бабазаде

Бакинский славянский университет
ул. Сулеймана Рустама, 25, Баку, Азербайджан, AZ1014

Статья посвящена становлению советского востоковедения. Анализируется деятельность Ю.Н. Марра. Работы Ю.Н. Марра сегодня почти не упоминаются. Создается впечатление, что творчество этого выдающегося ираниста сегодня не востребовано. Однако даже поверхностный обзор статей Ю.Н. Марра свидетельствует о тематической широте и глубине анализа. Работы Ю.Н. Марра представляют особый интерес для азербайджанского востоковедения, поскольку один из важнейших его аспектов состоял в определении места азербайджанских поэтов в контексте персидской литературы. В статье также анализируется оценка деятельности М.Ф. Ахундова и его влияния на персидскую литературу, данная советскими литературоведами.

Ключевые слова: русское востоковедение, персидская литература, иранистика, Ю.Н. Марр, 20-е гг. XX в., аналитические статьи, М.Ф. Ахундов

В советское время начинает формироваться новое востоковедение и иранистика. При этом учитываются и традиционные ценности. Интерес к персидской литературе наблюдался в России всегда. Он был связан с общим интересом к Востоку, под которым обычно понимался мусульманский Восток. Мотивы были самые разные, среди которых не последнее место занимали экономические и военные интересы крепнувшей в XVIII и XIX вв. Российской державы. Однако *русский интерес* к Востоку и, в частности, к Ирану, на наш взгляд, нельзя сводить исключительно к экономической или военной экспансии. В России существовал и неподдельный интерес к богатому культурному наследию мусульманского Востока. Что касается Ирана или Персии, то тут большое значение имели и такие факторы, как возникшие в XIX столетии представления об общем древнейшем индоевропейском культурном ареале, а также ассоциации с европейской греко-римской античностью, в тесном соприкосновении с которой развивалась и культура Древней Персии. Имена таких персидских поэтов, как Фирдоуси, Саади, Хафиз и др. постоянно встречаются в русской литературе XIX в. Величие русской классической литературы золотой поры, помимо всего прочего, состояло еще и в реакции на мировое культурное наследие.

Советское время ставит новые грандиозные задачи перед гуманитарными науками и филологией в частности. Решаются эти задачи крупнейшими учеными того времени. Многие из них сформировались как исследователи до революции, но верой и правдой стали служить новым идеалам. Вдохновляла идея создания новой науки и культуры для широких народных масс. Особое место в ряду этих ученых принадлежит, на наш взгляд, Юрию Николаевичу Марру. Ю.Н. Марр был, как известно, сыном выдающегося советского лингвиста Н.Я. Марра. Во вступи-

тельной статье к сборнику его работ «Статьи, сообщения и резюме докладов» отмечается, что он был крупным иранистом, филологом-литературоведом, языковедом-яфетидологом, фольклористом [б. С. 5]. Отмечается также, что он был наделен недюжинным поэтическим и музыкальным талантом. В этой статье, написанной И.В. Мегрелидзе, указываются научные направления, в которых специализировался Ю.Н. Марр и которые, естественно, составляли сферу его научных интересов. Само содержание этих направлений чрезвычайно характерно как для деятельности Ю.Н. Марра, так и для рассматриваемого периода. И.В. Мегрелидзе указывает пять направлений: «1) грузинско-персидские литературные связи; 2) увязка изучения литературных форм с общественно-литературными направлениями; 3) словарная работа и вопросы техники перевода; 4) вопросы латинизации алфавитов некоторых национальностей; 5) использование знакомства с литературными произведениями для разъяснения памятников материальной культуры и др.» [б. С. 8]. Какие «другие» направления — не указывается, но хорошо известно, что Ю.Н. Марр принимал самое активное участие в становлении советского востоковедения. Конкретно это выражалось в подготовке новых кадров иранистов, в работе на языковых курсах, в чисто яфетидологической практике, вдохновленной работами академика Н.Я. Марра. Во всем, что делал этот ученый, проявлялась его оригинальность. Общеметодологические установки его научного творчества были, безусловно, марксистско-ленинского толка. Именно по этой причине он уделял особое внимание использованию литературных произведений как средства объяснения памятников материальной культуры. Перечисленные пять направлений отражают общественно-политические установки ученого. Даже такая, казалось бы, нейтральная область, как словарная работа и техника перевода проводилась на фоне решения практических задач по подготовке новых кадров иранистов.

Список работ Марра начинается со статей о Низами, опубликованных в 1924 г. Это «Газель Низами в рукописи Азиатского музея», «О двух персидских версиях поэмы Лейла и Маджнун», «Газели и рубаи Низами, приведенные в *haft-иклим*», «Касыда Низами в рукописи Азиатского музея» [б. С. 17]. На наш взгляд, очень характерным для творчества Марра является то обстоятельство, что свою научную деятельность он начинает с Низами. В 1924 году Ю.Н. Марру было тридцать лет, сам 1924 г. представлен как первый год публикаций ученого. Следовательно, можно считать, что научная деятельность Юрия Николаевича Марра вообще начинается с Низами. Список его работ включает 114 наименований, знакомство с которыми не может не поражать широтой интересов ученого. Здесь «Сборник трактатов о стрельбе из лука», «Образец бахтиярской литературы», «Персидский петрушка. Театр народов Востока», «Открытое письмо в журнал *Эрмэкан* с просьбой дать мотивированную оценку творчества Казни», «Программа составления персидского словаря», «Голестан, изданный в 1302—1884/85 в Лондоне Мирза Мелком ханом», «Садек Молла Реджеб», «Долгий размер борудженца Феррохи», «Гражданские стихи поэтессы Фэхри», «Два образчика народной словесности из персидского Ферейдана», «Из беседы с ферейданским грузином», «О статье г-на Бакайри о персидских обычаях», «О качающихся минаретах», «По поводу различных систем счета на пальцах у персов», «Выражение фонетики стиха в пер-

сидском письме», «Фердовси и мировая поэзия», «Основные издания Шах-намэ», «Перевод и комментарии первых глав (о поэтике) антологии Мохаммеда Овфи с кратким введением», «Радение секты «людей божьих», «Библиотечное дело и библиотеки современной Персии», «По поводу выставки копий фресок из исфаханских дворцов т. Мгебришвили-Теркуловой», «О новом учении о языке», «Опыт программы работы с аспирантами» и т.д. Из 114 работ, приведенных в списке, здесь названы только 23, но названия этих работ со всей очевидностью свидетельствуют о разнообразии интересов ученого. Фактически не было ни одного вопроса, связанного с Ираном, его культурой и литературой, который не заинтересовал бы Ю. Н. Марра. Это был действительно специалист широчайшего профиля, в своей индивидуальности представлявший как старую российскую филологическую традицию, так и новую зарождавшуюся науку. Широта интересов, охватывавшая традиции охоты, настенные росписи, библиотеки, с одной стороны, и творчество почти всех известных персидских поэтов, персидскую лексикографию — с другой, говорили о богатейшей традиции и, что самое главное, о научных принципах, в соответствии с которыми филолог был не только специалист по языку и литературе, но и знаток культуры народа, языком и литературой которого он занимался. Вместе с тем углубленность в проблематику яфетидологии и нового учения о языке свидетельствовали о стремлении ученого быть на уровне современных требований.

В первый том избранных статей Ю.Н. Марра входят статьи о Садек Молле Реджебе, «Долгий размер» борудженца Феррохи», «Гражданские стихи» поэтессы Фэхри», «О сефевидском поэте Тэрзи Афшаре», «Зэһир Исфаханец», «О линейной речи у арабов, персов и турок», «Голестан, изданный в 1302—1884/85 в Лондоне Мирза Мелком ханом», «Проект арабского аналитического алфавита». Для всех работ Марра, представленных в этом первом томе избранных трудов, характерен тщательный текстологический анализ. Обращает на себя вообще внимание даже при русской транслитерации восточных имен указание на ударение и долготу звуков. Кроме того, Марр вводит в транслитерацию латинское *h*, там, где он считает это необходимым. Во всех статьях обязательно приводятся тексты на языке оригинала, которые здесь же подвергаются тщательному лексико-семантическому, стилистическому и широкому филологическому комментированию. В статье «Голестан, изданный в 1302—1884/85 в Лондоне Мирза Мелком ханом» Марр специально и подробно останавливается на алфавите, составленном Мирзой Фатали Ахундовым [1. С. 90]. Он, в частности, анализирует работу И. Тагиева «Мирза Фатали Ахундов и новый тюркский алфавит», изданную в Баку в 1928 г. Марр делает собственный вывод о том, что алфавит Ахундова был рассчитан на крупные национальные коллективы арабов, персов и турок» [1. С. 90]. В статье приводится алфавит Ахундова, состоящий из 42 букв.

Во второй том избранных трудов Ю.Н. Марра вошло несколько статей о Фирдоуси, о грузинско-персидских связях, о персидской литературе нового периода. Особо выделяется, на наш взгляд, «Вступительная лекция к курсу новой персидской литературы». Среди всего прочего Марр пишет о том, как персы воспринимают творчество двух азербайджанских поэтов — Хагани и Низами. Знаменательный отрывок заслуживает быть приведенным полностью. Марр пишет следующее:

«Не один только молодой ширазец Сурэтгер относится к Хакани с презрением. В Тегеране я встречался с правнуком знаменитого Каем Мекани — поэта более известного как прозаика и стилиста, — автора знаменитого послания Фэтхали шаха Николаю I по поводу убийства Грибоедова. Отпрыски этой фамилии воспитывались в духе старо-персидской литературной традиции. Он так отзывался о Хакани: “Это большой камень, летящий с горы: вертится, крутится, шумит и все без толку”. Такое представление о Хакани объясняется, думаю, тем, что он был ученый и пользовался трудными словами, но и тем, что, подобно Незами, он поэт, чуждый нынешней персидской интеллигенции не только классово, но и этнически» [7. С. 126].

В статье «Тегеранские литературные впечатления» Марр пишет о том, что в непопулярности Низами в Иране сыграли роль плохие рукописи. Мол, персы говорят, что произведения Низами уже в древности переписывались с ошибками. Такое объяснение Марр находил у так называемых представителей тегеранской интеллигенции [7. С. 259]. Марр отмечает, что в Иране Низами по-настоящему популярен только в среде кочевой аристократии [7. С. 260]. Некий литературный авторитет Нефиси говорил Марру, что не считает Низами крупным поэтом. Он был просто образованный человек, который свое образование вложил в «Хамсэ», «но стихи он не отделял» [7. С. 265]. «Он не такой крупный поэт, как Фердовси или Онсори или Феррохи, в каждом стихе которых видна изумительная техника и тщательная отделка» [7. С. 265]. Анализ Нефиси заключается словами: «Незами не персидский поэт, он жил и работал в азербайджанской среде, и стихи его непонятны персу» [7. С. 266]. Марр не отстает от Нефиси, пытаясь выяснить окончательное отношение персов к Низами. Он задает Нефиси вопрос о том, допускает ли тот, что Низами жил и творил в определенной среде, для которой он был гением. На этот вопрос Нефиси отвечает, что да, он это допускает, но «для Ирана все-таки Незами не гений» [7. С. 266].

Проведенный Ю.Н. Марром анализ особенно актуален в настоящее время, когда то вспыхивают, то затухают дискуссии вокруг принадлежности Низами к персидской или азербайджанской литературе. Для истории литературы этническая принадлежность поэта имеет мало значения, или вовсе никакого значения не имеет. Однако чрезвычайно характерно, что персидские авторитеты в нем не признавали и не хотели признавать «персидского гения». Наряду с оценками Нефиси и других персидских знатоков литературы, для нас большое значение имеют выводы самого Марра. Не случайно, что Марр фиксирует внимание на сложности и непонятности Низами для персидского читателя, видя причину отчуждения не только в «образованности» Низами, но и его этнической чуждости.

Научное творчество Ю.Н. Марра составило определенный мост между литературоведением Серебряного века и последующим советским литературоведением. В более поздний период русская персидская филология, ознаменованная именами таких видных ученых, как И.С. Брагинский, А.Н. Болдырев, З.Н. Ворожейкина, Д.С. Комиссаров, В.Б. Кляшторина и др., уже создает новую традицию. Для этой новой традиции, на наш взгляд, характерна утрата универсальной энциклопедичности старых филологов, с одной стороны, и отчетливо проявляемый идеологический логоцентризм, с другой.

В этой связи необходимо, на наш взгляд, особо остановиться на том значении, которое придавало русское литературоведение XX в. азербайджанскому мыслителю и писателю XIX в. Мирзе Фатали Ахундову. Выдающийся азербайджанский мыслитель XIX столетия Мирза Фатали Ахундов оказал столь серьезное влияние на азербайджанскую и персидскую литературу, что его трудно переоценить. В истории азербайджанской литературы его творчество составило этап, что давно и хорошо известно. Что касается персидской литературы, то влияние М.Ф. Ахундова было не меньшим. Однако не всегда и не всеми это влияние подчеркивается. На наш взгляд, именно русское литературоведение в XX в. смогло оценить по достоинству не только место азербайджанского писателя в истории азербайджанской и мировой литературы, но и его роль в становлении новой персидской литературы. Можно предположить, что в оценках русских филологов сказалась прежде всего идеологическая ориентация советской науки. Следовательно, характер осмысления литературного факта имел во многом идеологическое содержание. Иными словами, советские филологи никого не вводили сознательно в заблуждение, а оценки их полностью соответствуют доминирующим идеологемам пространства (Страна Советов) и времени (вторая половина прошлого столетия). Другое дело, что эти идеологемы позволили им объективно верно оценить роль М.Ф. Ахундова в истории персидской культуры и литературы.

В монографии, посвященной выдающемуся персидскому писателю XX в. Садек Хедаяту, Д.С. Комиссаров пишет: «На рубеже XIX—XX вв. в Иране рождаются также злободневные повествовательные произведения крупных форм. Под влиянием творчества основоположника азербайджанской реалистической литературы Мирзы Фатали Ахундова, которое было хорошо известно в Иране уже в последней четверти XIX в., в начале XX в. в стране появляются оригинальные иранские пьесы, обличающие беззаконие и произвол» [5. С. 13]. Таким образом, фактически полностью раскрывается роль М.Ф. Ахундова в развитии художественного творчества в Иране. Во-первых, указывается, что уже в последней четверти XIX в. азербайджанский писатель был хорошо известен в Иране. Ясно, что «хорошо известен» означает усвоение основных мотивов его творчества. С другой стороны, усвоение художественных мотивов есть не что иное, как «литературная учеба». Следовательно, уже с последней четверти XIX в. в Иране сложилась традиция «учиться у Ахундова».

Во-вторых, школа Ахундова обличает беззаконие и произвол. Следовательно, ведущими мотивами творчества азербайджанского писателя является борьба с беззаконием. С другой стороны, если иранские писатели этому научились у Ахундова, то можно предположить, что для новейшей иранской прозы было характерно как раз это направление. Вообще для русской филологии характерна высокая оценка азербайджанской культуры в плане ее влияния на Иран и Среднюю Азию. Так, И.С. Брагинский отмечает: «Из Закавказья в Среднюю Азию проникали произведения замечательного азербайджанского писателя Мирзы Фатали Ахундова; передовые литераторы Средней Азии знакомились с азербайджанской драматургией, которая оказывала влияние на их творчество; большую роль в распространении прогрессивных демократических идей играл азербайджанский

журнал «Молла Насреддин»» [1. С. 71]. Таким образом, делается попытка раскрытия роли в целом азербайджанской культуры, ее значительного влияния на соседние культуры. В другом месте И.С. Брагинский прямо указывает на исключительное влияние М.Ф. Ахундова, Дж. Мамедкулизаде, Сабира на литературу и культуру всех мусульманских народов России [1. С. 178]. А в «Заметках о Физули» он пишет: «Может быть, тот факт, что именно азербайджанская литература начиная с Мирзы Фатали Ахундова явилась школой критического реализма для многих литератур Востока, в значительной мере объясняется и ее богатыми традициями социальной сатиры» [1. С. 190]. Или: «Мирза Фатали Ахундов создал наиболее передовое направление в азербайджанской литературе и является предтечей просветительства в литературах народов Советского Востока и Ирана» [1. С. 198].

Рассуждая о достоинствах языка и стиля М.Ф. Ахундова, И.С. Брагинский дает им высокую оценку [1. С. 199], причем характерно использование такого эпитета, как *основоположник*. Ученый не говорит, что азербайджанский писатель обладал точным и ясным языком, он пишет, что Ахундов «основоположник точного и ясного литературного языка, лишенного вычурностей, вобравшего в себя народные выражения и идиомы» [1. С. 199]. Стоит также обратить внимание на то обстоятельство, что столь высокая оценка творчества Ахундова дается в книге, которая называется «Исследования по таджикской культуре». Как видим, в этих исследованиях по таджикской культуре значительное место уделяется азербайджанской культуре и ее влиянию на культуру таджикскую и в целом среднеазиатскую и иранскую. Более того, вклад Ахундова не просто упоминается, достаточно подробно рассматривается его творчество.

В монографии «Персидская литература» И. Брагинский и Д. Комиссаров вновь возвращаются к анализу влияния М.Ф. Ахундова на персидскую литературу, из которого можно сделать вывод о том, что азербайджанский мыслитель не просто оказал влияние на персидскую литературу, но поистине произвел в ней революцию. Например, они указывают, что в письме иранскому просветителю Мирзе Мальком-хану М.Ф. Ахундов говорит о необходимости фундаментальных изменений в персидской литературе. Сравнивая различные жанры по степени актуальности, он отмечает, что время «Гулистана» прошло, более того, «кануло в вечность». «Сегодня такие произведения не могут принести народу пользу. Ныне полезными, отвечающими вкусу читателя и интересам нации произведениями являются драма и роман» [2. С. 63].

В этом фрагменте обращает на себе внимание еще одно обстоятельство. Ахундов противопоставляет «Гулистан» Саади не какому-либо другому произведению или автору, но жанру, драме и роману. Следовательно, «Гулистан» является для него образцом и символом поэзии. Трудно поверить в то, что «Гулистан» устарел даже сегодня и не способен принести пользу народу. С таким же успехом можно говорить о том, что устарели произведения великого Низами. Ведь и они относятся к поэзии. Конечно, М.Ф. Ахундов имел в виду не это. Во всяком случае здесь, на наш взгляд, используется слишком сильное выражение: «времена «Гулистана» канули в вечность». Времена «Гулистана» в вечность кануть не могут,

потому что в них слишком много вечных истин, выраженных к тому же в прекрасной форме. Что касается и Низами, и Шекспира, и Навои, и даже Гомера, который представляется уже совершенно мифической личностью.

Здесь важно то, что и замечание М.Ф. Ахундова, и упоминание этого факта И. Брагинским и Д. Комиссаровым, а также высокая оценка этого призыва азербайджанского писателя носят очевидный когнитивно осмысленный характер. Не случайно речь идет о том, что именно под влиянием Ахундова в Иране начинается борьба с беззаконием. Следовательно, и все замечания писателя рассматриваются в свете данной идеологемы — «необходимости социальной борьбы с беззаконием».

Важно также то, что И. Брагинский и Д. Комиссаров тут же оговариваются, поскольку и сами не могут принять тезис о том, что Саади канул в вечность. Они тут же пишут: «Это высказывание Ахундова не следует рассматривать как нигилистическое по отношению к классической персидской литературе. Хорошо известно, как высоко он ценил персидское классическое наследие» [2. С. 63]. Ученые понимают необходимость объяснения мотивов такого отношения, поскольку с самого начала и априори не могут позволить себе заподозрить Ахундова в нигилизме. Мотивы же, на наш взгляд, носят несколько романтический характер, во что трудно поверить, зная прагматический характер всего того, что говорил выдающийся азербайджанский мыслитель. Мотив отрицания Саади следующий: «Но это не мешало великому азербайджанскому реалисту, проявлявшему большую заботу о судьбе персидской литературы, доказывать вред почти фанатического преклонения перед старыми поэтами» [2. С. 63—64].

В этой связи следует отметить, что вред наносит фанатическое преклонение перед чем угодно, не только перед величием классиков. Не случайно «эти высказывания М.Ф. Ахундова оказались неожиданными, вызвали удивление в Иране и были расценены как дерзость» [2. С. 64]. Но несмотря на подобную реакцию, новая литература начинает развиваться. Как отмечает Д. Комиссаров, самые передовые писатели Ирана конца XIX в. формируются под непосредственным влиянием М.Ф. Ахундова [3. С. 12].

Оценка деятельности М. Ф. Ахундова, а также его роли в становлении новой персидской литературы имеет фундаментальное значение для понимания русского иранского литературоведения XX в. Не говорилось, но почти всегда подразумевалось, что сам М.Ф. Ахундов испытал влияние передовой русской интеллигенции. Он был как бы проводником идей западного и русского просвещения на иранскую почву. При желании в творчестве М.Ф. Ахундова можно было всегда найти стереотипы западного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Брагинский И.С.* Исследования по таджикской культуре. М.: Наука, 1977. 288 с.
- [2] *Брагинский И., Комиссаров Д.* Персидская литература. М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. 214 с.
- [3] *Комиссаров Д.С.* Очерки современной персидской прозы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. 216 с.
- [4] *Комиссаров Д.С.* Пути развития новой и новейшей персидской литературы. М.: Наука, 1982. 264 с.

- [5] Комиссаров Д.С. Садек Хедаят. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1967. 198 с.
- [6] Марр Ю.Н. Статьи, сообщения и резюме докладов. I. М.—Л.: АН СССР. Грузинский филиал научно-исследовательского института Кавказоведения им. акад. Н.Я. Марра, 1936. 104 с.
- [7] Марр Ю.Н. Статьи и сообщения. II. Труды Института языка и мышления им. Н.Я. Марра. М.—Л.: АН СССР, 1939. 314 с.

SOVIET STUDY OF LITERATURE ON CLASSIS PERSIAN LITERATURE

N.Sh. Babazade

Baku Slavic University
Suleyman Rustam str., 25, Baku, Azerbaijan, AZ1014

The article deals with the formation of Soviet Oriental Studies. Y. Marr's activity is the centre of attention. Y. Marr's works are hardly mentioned nowadays. It seems that the works of this outstanding orientalist are not needed. However, even a superficial review of the articles by Y. Marr is indicative of thematic breadth and analytical depth. Y. Marr's works are of particular interest for the Azerbaijani oriental studies, as one of its most important aspects was to determine the place of Azerbaijani poets in the context of Persian literature. The article also examines the assessment of M. Akhundov's works and its influence on Persian literature made by the Soviet literary critics.

Key words: Russian Oriental Studies, Persian literature, Iranian Studies, Y.N. Marr, 20-ies of 20th century, analytical articles, M.F. Akhundov

REFERENCES

- [1] Braginsky I.S. *Issledovaniya po tadzhikskoy culture* [Studies on Tajik Culture]. М.: Nauka, 1977. 288 p.
- [2] Braginsky I., Komissarov D. *Persidskaya literature* [Persian Literature]. М.: Izd-vo Vostochnoy literatury, 1963. 214 p.
- [3] Komissarov D.S. *Ocherki sovremennoy persidskoy prozy* [Sketches on contemporary Persian prtose]. М.: Izd-vo Vostochnoy literatury, 1960. 216 p.
- [4] Komissarov D.S. *Puti razvitiya novoy i noveyshey persidskoy litetatury* [The ways of development of contemporary Persian Literature]. М.: Nauka, 1982. 264 p.
- [5] Komissarov D.S. Sadek Khedayet. Jizn i tvorchestvo [Sadek Khedaet. Life and works]. М.: Nauka, 1967. 198 p.
- [6] Marr Y.N. *Statyi, soobsheniya i rezume dokladov* [Articles, reports summeries]. I. М.—Л.: AN SSSR. Qruzinskiy filial nauchno-issledovatelskoqo instituta Kavkazovedeniya im. akad. N.Y. Marra, 1936. 104 p.
- [7] Marr Y.N. *Statyi i soobsheniya* [Articles and reports]. II. *Trudi Instituta yazika i myshleniya im. N.Y. Marra*. М.—Л.: AN SSSR, 1939. 314 p.